

## ФИЛОСОФСКИЙ И РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКЛЕКТИЗМ ПРОЗЫ АНАТОЛИЯ КИМА (РОМАН «ОСТРОВ ИОНЫ»)

Галина Михайлова

Вильнюсский университет  
Кафедра славистики

Сюжето- и смыслообразующим началом романа Анатолия Кима «Остров Ионы» (2002) является ветхозаветная *Книга Пророка Ионы*. Следовательно, как в любом современном мифологическом романе, библейские и, как увидим ниже, иные религиозные подтексты играют здесь немаловажную роль. Правда, можно ожидать, что в произведении А. Кима они задействованы в качестве элементов культуры (т. е. вне их религиозной функциональности): примерно так, как некогда использовала Анна Ахматова в своей лирике и поэмах мотивы Ветхого Завета, или так, как это привыкла делать литература советского времени<sup>1</sup>.

Что же касается «Острова Ионы», то, несмотря на то, что автор, подпитываясь авторитетом Божественного высказы-

вания о мире, пытается сакрализовать свое субъектное слово о мире, о человеке и о себе, роман представляет собой удивительный по своему размаху и определенной мировоззренческой сумятице конгломерат разнообразных религиозных, мистических и философских воззрений.

Данная статья является попыткой упорядочить обращения Кима к разнообразным религиозно- и научно-философским, эзотерическим и мистическим системам и раскрыть семантику отсылки подобного рода, указать на возможные причины репрезентации тем и образов, связанных с зачастую диссонирующими смысловыми рядами. Литературная критика, оценив содержательную сложность романа и его непростую сюжетно-композиционную структуру, оставила, с нашей точки зрения, роман «Остров Ионы» без должного внимания – возможно, как раз из-за указанной выше запутанности текста<sup>2</sup>. Наши выводы будут

<sup>1</sup> Можно, конечно, назвать и исключительные случаи, когда авторы создавали христианскую словесность: подразумеваю те немногочисленные случаи, когда центральными темами произведения становились Бог и спасение, понимаемое как спасение в церкви (к примеру, романы В. Максимова «Семь дней творения» или Ф. Светова «Отверзи ми двери», отдельные произведения Л. Бородина).

<sup>2</sup> Сошлемся на мнение П. Басинского: «“Остров Ионы” <...> – отчаянная попытка написать не просто

иметь предварительный характер и не претендуют на исчерпывающее прочтение этого романа Кима.

В «Острове Ионы» мифологические образные представления о мире, отголоски античной философии, древняя языческая мистика, взгляды мыслителей древнего Востока на мир и человека парадоксальным образом сочетаются с христианскими религиозными представлениями и научными теориями.

Приведем некоторые примеры. Для начала обратимся к ассоциативному принципу построения сюжета, который использует Ким: «...Как и всякий мировой сюжет, в его начале зиждилась пустота спонтанности, затем появилось слово, и слово было Ион» [Ким 2002, 11: 45]<sup>3</sup>. Далее автор мельком упоминает об античных философах-иониках: «Я стал возбуждать в его мозгу беспокойный блуждающий поток неких ассоциаций между словом ион и именем Иона, <...> иониты и ионийская философия (Фалес,

---

большой и сложный для прочтения роман. Это попытка написания великого романа. То есть такого романа, который может стоять на полке рядом с “Улиссом” и “Волшебной горой”, рядом с “Шумом и яростью” и “Чевенгуром” – великими романами XX века. В нынешнем контексте такая попытка – настоящее безумие <...> Знаковый писатель сегодня – это Борис Акунин, иронически исполняющий попури из великих писателей прошлого в диапазоне от Шекспира до Тургенева, но разумно отстраняющийся от революционных открытий века XX, которые оказались прагматически несостоятельными. <...> Ким как заблудился в космических протуберанцах XX века, так и не вышел из них. И в этом есть большая правда, потому что мы выскочили из XX века, ничего в нем не решив. Ни одной поставленной проблемы. Просто мы вдруг отказались их решать. Договорились вместе и закрыли на них глаза» [Басинский 2002].

<sup>3</sup> Далее текст романа цитируется по журнальной публикации. В скобках указываются номер журнала и страница.

Анаксимен, Гераклит Эфесский)...» (*там же*). Заметим, что стилистические поиски одного из названных Кимом иоников опирались как раз на сходство в звучании слов: Гераклит в однокоренных словах искал единство (сродство) и противоположность соответствующих им понятий [Кессиди 2003, 195]

Если же отстранимся от стиля романа «Остров Ионы», то увидим, что натурфилософская идея милетских мыслителей (Анаксимена, Фалеса, Анаксимандра) о некоем космическом первоначале облачена в романе Кима в форму современных теорий о происхождении «звездно-галактической туманной Вселенной, дитяти загадочного Большого Взрыва» [12, 62]. Обе концепции (древняя и современная) «покрываются» в романе теистической идеей о Божественном происхождении мира: «Бог сотворил мир, чтобы видеть Самого Себя; Он создал человеческую Игру, чтобы играть с Самим Собой...» [12, 75].

Теперь сосредоточимся на системе персонажей в романе. Герои «Острова Ионы» дематериализуются и получают возможность пребывать в разных временах и пространствах, нередко одновременно. Таким образом, они находятся всюду и в то же время нигде. Первая мысль, возникающая при анализе подобного описания состояния персонажей – Ким основывается на буддистском учении о мгновенности с его идеей изменчивости сущего, которое гласит, что «не только нет ничего сплошного, цельного и все существует враздробь, но нет также ничего длящегося, все существует лишь в течение одного мгновения» [Щер-

бацкий 1988]. Для сравнения приведем следующий пример из текста романа: «но торжество *Темных* ангелов над *Светлыми* на земле длилось мгновение – примерно 70 лет» [12, 70]. Но не упустим из виду того, что буддистские представления поразительно схожи с учением о всеобщем движении и изменении того же ионийского философа Гераклита: «В одну и ту же реку мы входим и не входим, существуем и не существуем». Центральный герой романа «Острова Ионы» – однофамилец автора, писатель А. Ким – пребывает в нескольких ипостасях, и не всегда они продиктованы логикой того, что он – сочинитель некоего романа и волен перемещаться как его автор в разные времена и пространства. Двигаясь по сибирским дорогам в сторону далекого острова Ионы, герой-писатель размышляет о том, что «есть некая легкая недоуменная печаль в том, что ты присутствуешь в мире, в котором тебя еще нет, – точно так же, наверное, весело-и-грустно в мире, где тебя уже давным-давно нет...» [12, 19]. Думается, что подобное самоощущение обуславливает мучительную раздвоенность главного героя «Острова Ионы». Со второй половины романа отсутствие цельного, реального, неизменного «я» начинает раздражать героя и ставит его в тупик: он не желает больше быть автором книги – «отныне он будет только одним из персонажей этой книги, наравне с остальными, а летописцем экспедиции он больше не хочет быть...» [12, 21].

Приведенное выше микширование древних восточных учений идеями из философского наследия античности ска-

зывается и в излагаемой в романе Кима точке зрения на земную жизнь как на наказание, от которого избавляет смерть, во взгляде на тело как на могилу души. Этого мнения придерживались члены религиозного союза Пифагора, т. наз. орфики [см.: Лосев 1959. 343–349], но эта же идея характерна для Востока. Для орфиков жизнь есть приготовление к смерти, поэтому необходимо умерщвлять тело-темницу для освобождения божественной души. Для отдельных направлений индийской религиозной философии (джайнизма, буддистской философия Санкьи) жизнь тела отягощает душу и является источником страданий человека [Радхакршинан 1956, 240–280; Торчинов 2000]. Но, как известно, христианство также (и не менее принципиально) противопоставляет телесное и духовное. Культ духовной личности и бессмертной души – важнейшие положения христианского миропонимания, «ибо, если живете по плоти, то умрете, а если духом умерщвляете дела плотские, то живы будете» [Рим. VIII, 13]. Культ проистекает из христианского отчаянья, т.е. из мучительного переживания дисгармонии между телом и душой: «помышления плотские *суть* смерть, а помышления духовные – жизнь и мир» [Рим. VIII, 6].

Возникает вопрос, какая же из концепций – античная, буддистская или христианская – использована Кимом, к примеру, в сцене умирания одного из героев, Андрея Цветова? Даже на смертном одре жизнь не хочет уступать смерти: умирающий признается, что «сосны буйные» не дают ему уснуть и шепчут «на ветру про жизни сладкой власть».

Герой «возлежит во гробе деревянном», его «земное время» завершается, но он уходит не в смерть, а в «бессмертие»: он «не умер, но преобразился» [11, 58] (христианский след в мистике романа!). «Преображение» даруется Цветову потому, что он целенаправленно стремился к этому состоянию: «о-без-плотился» уже при жизни (античный след!). Но, помимо этого, герой обрел преобразование-«бессмертие» и оттого, что при жизни не имел вины, а свою трагическую карму получил в «наследство от прадеда» [12, 36] (восточный след!).

Как видим, отпечатки всех трех концепций жизни и смерти пронизывают сцену кончины героя. И все три едины в повествовании о смерти как о чем-то, что, несмотря на муки, преобразует человека до духовного существа, или, по Киму, возвышает до «состояния Высшей Свободы» [12, 14].

Как известно, смерть и сон открыли древнему человеку существование в нем самостоятельной и свободной субстанции – души, способной покидать тело или переходить в другое. Анимализм присущ и политеистическим, и монотеистическим древним религиям. В некоторых из них изложена система наказания за грехи при жизни в виде последующих возрождений человека к новым жизням. Древними индусами было разработано самое подробное учение о переселении душ (сансара). Сансара – это и примиряющее с жизнью учение, и драматическое – насколько бесконечны эти перевоплощения? Доктрина сансары формировала особое отношение к миру и к самому себе: все явления реальности – это лишь одно из

многих возможных воплощений духа, а Я – только временная форма человеческого бытия [см.: Бродов 1967]. В свою очередь, христианский спиритуализм также утверждает наличие в сотворенном Богом человеке Божией искры – души. Однако, как известно, в христианстве идея перевоплощений отсутствует.

Какова же структура персонажей в романе Кима с этой точки зрения? Виртуальные герои в «Острове Ионы» – это их бессмертные души, иначе – чувствующие и разумные существа, не способные к телесным проявлениям: «... когда в порыве радости Ревекка хотела обнять встретившегося ей красивого человека, ее руки лишь совершили взмахи по воздуху, но ничего не обрели в свое объятие. Она хотела положить эти руки ему на плечи, но напрасно — ладони упали, прошлись в нем, в его прекрасном мускулистом теле, как по воздуху» [11, 64].

Пустившиеся в путь персонажи-души причастны к божественному порядку вещей, к мировой гармонии, к Богу как Творцу и Распорядителю. В сюжетном пространстве романа ангел-хранитель вручает некоему Хранителю душ эфирные тела умерших в течение девяти дней после кончины, и Хранитель душ ... «перетаскивает» их «из мира в мир, чтобы они не заскучали» [12, 57]. Т.о., Ким вразрез с христианскими, но в соответствии с восточными религиозно-философскими представлениями описывает ряд реинкарнаций своих героев. Все персонажи романа наследуют чью-то душу, восходя к другому существу в процессе непонятной «тоски по ино-

бытию» [11, 30–31]<sup>4</sup>. Метаморфозы Ионы, к примеру, таковы: предок камчатских медведей Маче Тынгре унаследовал душу Серого Кита, съев его сердце. Когда медведь ел сердце Серого Кита, то кит перешел в состояние Ионы. Душа румынской царицы «перетекла» в американскую студентку, изучавшую астрономию погасших звезд, а позже – в черную, спасшуюся в море, собаку. «Пестрые инкарнации» главного персонажа – писателя Кима – включают в себя Иону, африканского бушмена, корейца и палестинца, маленького жителя казахстанского поселка, беглого лагерного зека и т.п. Герои переживают бытие «во всех временах, на всех этажах и уровнях Иллюзорного Мира Пустоты» [12, 62]. Одна из самых запоминающихся сцен «Острова Ионы» – видение колымским караульным ефрейтором многотысячной колонны умерших заключенных. Взгляды, которые они «бросали» на караульного, были для него невыносимыми: они будто обвиняли его в том, что у них оказалась в «прошлых инкарнациях такая тяжелая карма» [12, 40]. И ефрейтор испытал страх за будущие свои существования, которые окажутся еще более отягощены «самыми некрасивыми, зловонными грехами, набранными на этой сраной государственной службе» [там же].

Итак, Ким вводит в роман как представление о карме и кармическом законе (основополагающие понятия всех

индийских религий), так и категории судьбы, возмездия, вины (важнейшие этические категории философии христианского мира). В индийской религиозной философии (к примеру, в джайнизме) душа спасается, когда закон кармы прекращает свое действие. Т.о. душа окончательно отделяется от тела и избавляется от необходимости вновь и вновь трансформироваться<sup>5</sup>. Не вдаваясь в подробности того, как прекращается круговорот перевоплощений и человек выходит из «колеса сансары», скажем только, что, в определенной мере, понятия индийских философских учений совпадают с указанными выше этическими представлениями западного мира. Герои романа «Остров Ионы» в полной мере испытали тяжесть кармической судьбы. К примеру, Ревекка, не была жадна до денег, но наказана страшным насилием за мать и отца с их чрезмерной любовью к деньгам, которая была у них сильнее любви к ветхозаветному Богу и страха смерти; Андрей Цветов несет наказание за «кармические проступки» прадеда-полковника, запоровшего насмерть с десятков солдат. Тем не менее, можно говорить о том, что судьба Ревекки складывается по древним правилам ее веры: главный закон *Пятикнижия* – это закон родового возмездия. В христианстве же понимание вины и ее искупления эволюционировало [Мень 2002]. Утвердилось учение о личной ответственности за свои деяния: «сын не

<sup>4</sup> К слову сказать, в одном из интервью А. Ким, сославшись на мнение «главы нашего большого рода в Корее», заявляет о себе как о реинкарнации души известного корейского писателя XV века Ким Си Сыпа [Ким 2001].

<sup>5</sup> Закон кармы связан с воплощениями субъекта, качество которых обусловлено его телесными, словесными и ментальными действиями предыдущих воплощений. См. подробнее: Бродов 1967.

понесет вины отца и отец не понесет вины сына, правда праведного при нем и остается, и беззаконие беззаконного при нем и остается» [Иез. XVIII, 20]. Ким отдает предпочтение христианской интерпретации судьбы как некоего испытательного срока на земле, во время которого выявится истинная суть человека и в мире вечности ему воздастся по заслугам и грехам.

Завершение перевоплощений своих персонажей Ким связывает не с восточным полным растворением индивидуальности в исходном *ничто* (состояние *нирваны*), а с христианским Судным днем. Персонаж романа «Остров Ионы» по имени А. Ким так и не попал на Страшный суд. В пределах излагаемой в романе «Остров Ионы» концепции сочинительства и судьбы сочинителя сталкиваются два возможных варианта позиционирования творца в окружающем его мире: бесстрашие соглядатая и пристрастность участника. С точки зрения Небес, писателю предназначена роль стенографа: записывать «под неторопливую диктовку Хранителя Слова» [11, 27], не мучаться самому над «последними вопросами» бытия, но внимать ответам на них «Бога ветхозаветного и Новозаветного, демиурга – строителя», «Творца красоты», «Творящего Отца» [11, 21, 28]. Протагонист же, размышляя о своем творчестве, полагает, что его «вина и преступление заключаются в том, что во все книги, спущенные сверху и доверенные мне переписать на русском языке, я от себя добавил чувство болезненной любви к миру, который я узрел вокруг себя» [12,

58]. Оттого гений главного героя, Хранитель Слова, упрекает его в дерзости, самолюбии и роптании: «шепотом жалуюсь Богу, что его мир человеческий устроен жестоко и страшно» [*там же*]. Как и Мастер у М. Булгакова, герой-писатель не закончил роман, но был вознагражден не покоем (нирваной), а отправлен вновь на землю для завершения своего произведения: «... Я не принимаю тебя и наказываю тем, что возвращаю тебя в ту же писательскую жизнь в той же стране – ты не прошел испытания Моего суда! Иди обратно на *досуществование*, помучайся еще, довершай свой урок» [12, 72].

Думается, что очевидна философско-религиозная полигенетичность подобного финального аккорда кимовского сюжета о жизни писателя, как несомненна и его противоречивость. Ни в границах восточного философствования, настаивающего на том, что окружающий нас призрачный мир не достоин внимания в виде любви или жалости к нему, а освобождение души возможно при абсолютной отстраненности от внешнего мира (буддизм), равнодушии и бесстрастии (брахманизм), ни в пределах морального идеала православия, исповедующего укрощение страстей и смирение<sup>6</sup>, главному герою романа, писателю Киму, нет места.

Смягчая упреки в эклектизме в адрес романа «Остров Ионы», отметим, что само христианство имеет немало сходных моментов с другими религиозными учениями.

---

<sup>6</sup> В 1979 г. Ким принял православие [Ким, 2001].

Так, и в буддистской йоге, и в христианской мистике речь идет об освобождении человека из пут материального существования и обретении полного покоя. Но направленность такого освобождения разная. В христианстве – это единение с Богом, мифология града Божиего, грядущего вечного праздника. *Ничто* в христианстве уничтожено актом творения мира и человека. Христианин обретает свободу в мире вечности: его душа обретает бессмертие (спасается), и он выходит из-под власти круговорота природных процессов. В буддизме же важно достижение не вечной жизни, но вечного покоя (нирваны) как Третьей Благородной Истины, той абсолютной реальности, в которой человек свободен от воплощенного бытия [Щербацкий 1988]. Воплощенное же бытие, по Киму, – и губительно, и жизнотворно. Оно пробуждает в эфирных душах героев романа тоску по человеческому счастью: «Может быть, я умер уже давно, не заметив своего прохождения через смертный порог, но все равно – *жить так хотелось, жить так хотелось* по – прежнему!» – размышляет автор-герой, сидя на острове Ионы возле звериного лежбища на плоских валунах, у подножья темных утесов [12, 64].

Финал «Острова Ионы» абсолютно противоречит развернутому в нем событийному и мистико-философским сюжетам. Главного героя не привлекают буддистские принципы избавления от плоти, угасания жизненного процесса – всего того, что было описано в романе, когда к острову Ионы совершают путешествие развоплощенные, бестелесные

герои. Бессмертной душе человека претит «постность духовного вегетарианства», и только в «кровавом живом бульоне земного бытия» душа не скучает, радуясь и страдая в «замечательной игре в жизнь» [12, 46, 49].

Много места в романе Кима занимает постижение сути «кровавого живого бульона» – смысла человеческих мук. Осмысление страданий в романе находится в рамках христианской парадигмы: они необходимы человеку при жизни, чтобы «взять разбег ко взлету», т.е., по Киму, к Свободе, к Преображению, к «бессмертию». Проходя через мучения, человек одновременно освобождается от них. Такого рода сотериология не устраивает героя: «зачем нужен такой страшный разбег... Мучения зачем...?» [12, 55]. Возникает ситуация «возвращенного билета» Ф. М. Достоевского: совесть Кима-писателя, как совесть Ивана и Алеши Карамазовых, протестует. Герой не может принять будущую гармонию ценой страдания ближнего, даже если в этом страдании нет его вины.

Как известно, Инквизитор у Достоевского предлагает путь успокоения совести: возложить грех и расплату на тех, кто устанавливает, что такое добро и что такое зло. Зосима же отталкивается от принципа общей вины и общей совести человечества. Но ни взятие вины на себя «устанавливающими», ни всеобщая вина не оправдывают зла – страдания невинных должны быть искуплены, только так возможна гармония. Разрешение вечного русского вопроса в романе Кима не отличается оригинальностью: персонаж-

писатель отчасти берет на себя функцию искупителя, создавая литературу жалости и христианского сострадания и вступая в противоречие с истинами, которые, в соответствии с представлениями Востока, ведут к блаженству (нирване).

В христианском контексте человек, несущий бремя вины и страдания, духовно преображается (спасается). Причем у Кима страдания, приближающие к бессмертию, имеют характер не столько телесной боли, сколько душевных мук, т.е. важно «духовное качество страданий». Один из персонажей «Острова Ионы» приходит к выводу, что «при самых великих безнадежных страданиях преобразование в невидимость, в нематериальность может произойти и без стадии смерти» [11, 55]. В описанном в романе лепрозории прокаженные, врачи и обслуживающий персонал улетучиваются в некий тонкий мир, оказавшись на дне Берингова моря, в «подводном астрале», в большом белом дворце, где преображенные «невиданно красивы и гармоничны» [12, 48]. Подводный «Небесный Иерусалим» материализовался вне христианской Церкви и ее догматов, но и вне буддистских представлений о том, что причиной страдания считается неведение, непонимание собственной природы и природы бытия<sup>7</sup>.

Подведем некоторые итоги принципиальной семантической эклектичности

---

<sup>7</sup> Буддизм полагает причиной страданий человека его стремление к жизни, к наслаждению. В европейской философии на такую же причину страданий человека указывал А. Шопенгауэр («воля к жизни») [Шопенгауэр 1992].

романа и попытаемся объяснить цель намеренной интеграции фрагментарных философских и религиозных представлений в мозаику текстового единства.

Ким написал роман, в котором стремился создать синтетическую картину действительности. Ведущей темой романа, на наш взгляд, является тема кризиса современной культуры и цивилизации. С этой темой связан эсхатологический сюжет произведения, т.е. мотивный комплекс гибели и нового рождения личности, общества и мирового универсума. Пути к новому ищутся писателем в разных религиозных, философских и научных системах. Кризис должен разрешиться *синтетическими* мышлением и цивилизацией.

Как русского писателя Кима более всего занимает российское настоящее и будущее. С нашей точки зрения, социокультурная идентификация России, как она представлена у Кима, близка доктрине русских евразийцев, как в плане преобразования духа, конечного освобождения и спасения, так и в сфере интеграционных идей. Именно евразийцы в лице Н. С. Трубецкого, Г. В. Флоровского, П. П. Сувчинского, П. Н. Савицкого сочетали «предельное напряжение в делах мира сего, тех делах, значение которых в последнее столетие с особенной силой выразил Запад, с сохранением живыми и мощными непреходящих ценностей Восточного Духа» [Киреева 2004]. По свидетельству современных российских социологов и культурологов, сегодня в российском социуме возрождается «исторический евразийский императив». Речь идет о необходимости интеграции



народов, которые связаны культурно-исторически и цивилизационно. При этом православие как фундирующее начало не должно вступать в конфликт с нехристианскими религиями и культурами, а, напротив, продуктивно совмещаться с ними [см., к примеру: Орлова 2007; Савицкий 2004]. Думается, что Ким взамен утраченной советской идентичности как раз и предлагает в своем романе идентичность евразийскую, описывая многочисленные реинкарнации и блуждания во времени и пространствах своих героев – русских, корейцев, камчадалов, евреев, румын и пр. Остров Ионы, куда движутся персонажи романа, находится между Америкой и Россией, представляя собой своеобразный сакральный центр мира. Герои романа, американцы и россияне, должны воссоединиться на этом острове. Как заметил С. Телегин, включивший роман Кима в корпус современной мифологической прозы, условием подобного воссоединения является «отказ Америки от антидуховного материализма и России от коммунистической идеологии» [Телегин 2004, 43]. Добавим, что именно Россия, по Киму, выступает колыбелью желанного и возможного синтеза<sup>8</sup>, а гармонизировать культуру и

мир в их состоянии хаоса и кризиса может и должно Слово (иначе – Логос).

Представление же о том, что слово художника – это дар богов, вдохновение свыше восходит к иудейской и эллинской традициям. Слово называет и творит: дает феноменам земного мира бытие, удерживает их от возвращения в безглагольность. Так обнаруживается текстовая природа мира как Книги божественных смыслов<sup>9</sup>. Как указывалось выше, главный герой «Острова Ионы» (автор и действующее лицо создаваемого им романа) выступает как вольный или невольный трансформер Слова как Гласа Божия, адресованного людям. Художественное слово о мире порождено не на Земле, и не писателем, а на Престолах, «где зиждутся творила Слов», и в них такая сила, что они способны созидать и разрушать вещественное мироздание: реальность будет такой, какой ее выстроят слова, «и чем совершеннее окажется их гармонический строй, тем данный мир будет прекрасней» [11, 53–54]. Задача героя романа, писателя А. Кима, заключается в том, чтобы верно истолковать диктуемое ему Логосом. Это не легко, если учитывать, что Иона (как персонаж романа) в свое время не точно, не своевременно, слишком прямолинейно

---

<sup>8</sup> Прошлое России описано в романе как история прокаженной страны, у которой «гниют государственные мышцы, ломаются кости, дряхлеют державные устои..., а через имперское тело перестает проходить электрическая энергия Безсмертия» [12, 20]. В романе есть повествование о бунте «строптивых ангелов» на российской земле: демоны, ушедшие в глубь народа, «провозглашая горделивые лозунги, подняли русский народ на вооруженный мятеж против Бога. И грозным было Его наказание – народ советский поразила роковая проказа...» [12.31]. Сегодня же возносящийся в поднебесную Онлирию писатель А. Ким видит под собою обретающую «цвета здоровой природной кожи» сибирскую землю [12, 70].

---

<sup>9</sup> В романе Кима человек и человечество представлены как «слова..., тексты..., существующие вне материи. Все мыслящее человечество – это призрак словесных систем... [11, 50–51]. Само вещество Вселенной «порождено Словом, в себе имеет его состав» [12, 37]. Думается, что исходя из вышесказанного, а не из постмодернистского сознания автора «Острова Ионы», все герои романа имеют «словесное существование», вызваны к жизни и путешествиям во времени и пространстве «спонтанной фантазией А. Кима» [12, 30].

использовал Глас Божий, и многие его беды приключились оттого. Между тем, по Киму, «правильно использованное русское Слово» – путь к спасению России и выздоровлению нации [11, 47]. Т.е. слово является не только культуро-образующей силой, но имеет и спасительную функцию: отпадение от языка есть гибель России<sup>10</sup>. Культурное и нравственное сотворение России предстоит довершить, и писатель А. Ким (как герой романа А. Кима) должен способствовать ее «Преображению»<sup>11</sup>. Россия (как советский социум) пережила опыт смерти и живет ожиданием преобразования, аналогично тому, как преодолел условную (ритуальную) смерть и преобразился герой романа Кима – пророк Иона. Такой же путь – преобразование вне смерти – должны проделать герои романа.

В связи с этим, безусловно, самой важной проблемой в романе является вопрос о смерти и бессмертии, который давно занимает Кима<sup>12</sup>. В Новом Завете в вы-

---

<sup>10</sup> Эта мысль Кима перекликается с высказываниями деятелей русской писательской эмиграции 20–70-х гг. (В. Набокова, С. Соколова, А. Солженицына, И. Бродского).

<sup>11</sup> Ю. М. Лотман по этому поводу замечал, что обычная для европейского классицизма учительность литературы приобретает в России особый смысл – подразумевается, что общество еще не создано, что его надо создать, и в этом писателю отводится главная роль [Лотман 1997, 550].

<sup>12</sup> «Смерти как бы нет – уже это первое, невероятное, почти абсурдное ощущение от прозы А. Кима заставляет искать ей совершенно нетрадиционную систему отсчета. Смерть – просто выход в иную Вселенную. Это событие в цепи событий, а не обрыв цепи» [Аннинский 1989, 218–219]. В одном из интервью перед публикацией романа «Остров Ионы» Ким заметил: «Сначала я писал о жизни, потом о смерти. Сейчас о бессмертии. Я хочу наиболее полно осмыслить, что такое бессмертие. Я вижу его в составе нашей сущности – физической и духовной» [Миркурбанов 2007].

сказываниях Христа есть немало отсылок к Книге Пророка Ионы. Самое главное из них – о единственном знамении: «род лукавый и прелюбодейный ищет знамения; и знамение не дается ему, кроме знамения Ионы пророка; Ибо как Иона был во чреве кита три дня и три ночи, так и Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи» [Мф 12:39–40]. Под «знамением» понимается свидетельство о бессилии смерти перед Христом, как некогда перед Ионой. Именно поэтому Ким устами главного героя называет библейское предание об Ионе «высокой игрой» в «бессмертие» [11, 26–27]. Согласно Киму, смерть – это самое достоверное и неоспоримое знание о себе, очень интимное, «неразделимое и такое же ответственное, как понятие *Бог*» [11, 51]. Мыслящее существо не может примириться с онтологической ограниченностью человека: в романе Кима тела умирающей Ревекки и Андрея, брошенного непогребенным после расстрела, «бились и трепыхались из последних внутренних сил, взыскав преобразования и все никак не желая переходить в состояние труп...» [11, 63].

Страх смерти стал побудительным мотивом поиска бессмертия: «смерть есть и ее нет» [12, 37–38]. Для героев мучительна проблема личного бессмертия: «чужое существование без смерти не радовало, не вдохновляло» [11, 43]. Не утешает и мысль о том, что народ бессмертен, тем более что она спорна – речь должна идти о бессмертии отдельного представителя этноса [11, 48]. В истолковании проблемы личного бессмертия Ким близок Достоевскому – сомнениям и

поискам Ивана Карамазова: ничто «общее» не может утешить индивидуальное существо в его несчастной судьбе.

С. Н. Булгаков писал о том, что «спастись от ужаса перед небытием можно, лишь отойдя от головокружительной бездны и обратившись лицом к Солнцу, – источнику всякой полноты, переместив свой бытийный центр из себя за пределы себя, в Бога. Тогда небытие отходит в небытие, исчезает, как тень, рассеивается, как призрак; небытия уже нет, а есть лишь торжествующие, благодатно изливающиеся лучи бытия. Но когда меркнет в душе солнечный свет, когда тварь замыкается в себе и перестает чувствовать себя в Боге, – опять поднимается леденящая дрожь, ничто ощущается как мертвенная, зияющая дыра, как курносая смерть, и тогда себе самому начинаешь казаться пустой скорлупой, не имеющей бытийного ядра» [Булгаков 1994]. Сравним с рассуждениями Кима: «Не старайся заглядывать в бездну, иначе она будет заглядывать в тебя. Вы оба сможете убедиться, что ничего особенного не представляете, что с обеих сторон вы равным образом пусты. И скучнее этого знания ничего нет во всех бесконечных мирах» [12, 54].

Одна из героинь романа поняла однажды, «что имя ей Никто, и, кроме этого имени, ничего-то у нее нет на свете...» [12, 23]. С этой минуты жизнь ее круто изменилась. Можно рассмотреть эту ситуацию в ракурсе одного из видов буддистской медитации – медитации на пустоту (шуньяту) «я» в целях постижения собственной пустоты [Торчинов 2000]. Сама доктрина шуньявады под

пустотой подразумевает не абсолютное небытие, но относительное бытие: все пусто – значит все бессущностно, лишено собственной природы.

В приведенном выше суждении С. Н. Булгакова можно найти ответ на то, почему семантически двоятся «микрокосм» романа: с одной стороны, Ким показывает дематериализацию своих героев, их растворение во времени и пространстве (по сути – в Ничто), а с другой, подчеркивает у них наличие живой души, причем, души бессмертной, потому что именно тогда «скорлупа» не пуста. В «Острове Ионы» именно таким синтетическим образом, соединяя буддизм и христианство, разрешается проблема смерти и бессмертия.

Нельзя не отметить, что, как и в случае с концепцией «Большого взрыва», художественные интерпретации Кимом определенных концепций фундируются не только религией, но и научными идеями. В случае с «безсмертием» мы подразумеваем учения русских космистов Н. Ф. Федорова, В. И. Вернадского, К. Э. Циолковского и др., оказавших влияние на некоторых русских поэтов и писателей<sup>13</sup>. К примеру, Циолковский в работе «Радость смерти» писал: какая радость – «знать и быть совершенно уверенным, что смерть сливается с рождением..., что разрушения или “смерти” будут повторяться вечно. <...> Изменяется форма, а сущность остается, потому что сущность есть материя,

---

<sup>13</sup> Художественная натурфилософия Н. Заболоцкого и отдельные высказывания и произведения В. Маяковского – известные тому примеры.

которая вечна. <...> смертей нет, а есть только рождения. Уничтожения нет, а есть только преобразования. Тяжелая и дурная земная жизнь есть случайность, очень редкая во вселенной. <...> Смерть есть радость, награда, неизмеримое счастье, хотя и сопровождается на Земле болью». После каждой смерти человека, по Циолковскому, «получается ...рассеяние», которое не препятствует оживлению: «Мы всегда жили и всегда будем жить, но каждый раз в новой форме и, разумеется, без памяти о прошедшем» [Циолковский 2001, 158, 195, 413–414]. Таким образом, Ким в некоторой степени примыкает если не к кругу современных трансгуманистов-иммортиалистов, то к т. наз. Федоровскому движению – к С. Г. Семенову, А. Г. Гачеву, В. П. Васильеву, Б. Г. Режабеку и др. В отличие от западных и российских трансгуманистов, весьма сосредоточенных на нанотехнологиях [см., к примеру: Эттингер 2003; Рязанов 2001], Кима, как и указанных выше российских последователей Федорова, больше интересуют религиозные и этические аспекты философии *Общего дела* Федорова.

Как бы то ни было, главное, что требовалось героям романа – это освобождение от смерти. Они этого добились. В философско-религиозной концепции «Острова Ионы» человек, «облаченный в свою душу», покинув останки своего умирающего тела, попадает в «страну Онлирию», некую «эфирную ауру планеты» [11, 62, 40]. Это параллельный мир Свободы, в котором потерявший телесную память человек не ведает, «что правильно или неправильно, никаких целей больше

не ставит перед собой и ...не знает страха» [12, 34–35]. Своеобразным апокрифом, дополняющим авторскую интерпретацию библейского образа Царства Божия, выступает в романе Кима Подводная Тихоокеанская Онлирия – дворец с нефритовой крышей, «словесно-человеческое общество», в котором обитают дематериализовавшиеся прокаженные и персонажи книг, выстроенные из «духовного состава слов» [12, 52]. Обитатели подводной Онлирии свободны, равны и демократичны.

Итак, в «Острове Ионы» христианское Царство Божие предстает в виде «страны Онлирии»<sup>14</sup>. Понятно, что в Онлирии открывается суть вещей, например, «отважное ликование бессмертной любви», которая там свободна от власти и угрозы смерти и потому может быть сама собой [11, 64–65]. Но что за *майя* отсутствует в кимовской утопии? Представляется, что в данном случае к истолкованию сути Царства Божия привлекается буддистское учение об иллюзорности мира.

Это настолько очевидно, насколько часто в романе «Остров Ионы» использовано одно из важнейших понятий индийской философии – *майя*, т.е. представление об иллюзорности мира опыта, где майя – видимость, завеса, закрывающая от человека истинное бытие и действительный смысл его существования [Пахомов 2000]. В романе используются следующие определения *майи*:

1. «помрачительная густая туча живых существ земной *зеленой майи*» [11,

<sup>14</sup> «Онлирией» назван роман-утопия Кима, опубликованный в 1995 г.

16]. Земная майя вмешивается в бытие героя, но и скрывает от него суть его существования. Последняя встреча героя-писателя с *зеленой майей* происходит на острове Ионы, когда из воды вышли три каменных идола: внебрачный сын героя от случайной связи с *Мать – сырой землей* и две приземистые бабы – встреченные некогда в юности деревенские толстухи. И в груди астрала А. Кима «тихо застонала тоска по всему земному» [12, 67].

2. «*глухая майя* земных тщет»<sup>15</sup>. В юности героя *земная зеленая майя* возбудила его и дала ему понимание своей мужской сути. Но на достигнутом, наконец, острове Ионы земное и языческое для развоплотившегося героя оборачивается иллюзией («ничего подлинного для меня там не было» [12, 67]), с которой предпочтший nirвану писатель чувствует «фатальное планетарное неродство» [12, 68]. Тем не менее, в финале романа в связи с оказавшимся бесцельным бессмертием Ионы майя-пелена, иллюзия торжествуют как «горячечный бред, называемый *зеленой майей* всемирного человечества» [12, 76].

Итак, в «Острове Ионы» покров *майи* имеет двойную функцию: он представ-

ляет многоликость вселенной, мир различных форм и явлений, и он же закрывает от взгляда человека суть, абсолютные начала мира<sup>16</sup>.

Анонсируя «Остров Ионы» в 2001 г., Ким заявил: «В произведении я поставил проблему реальности» [Ким 2001]. Как указывалось выше, главным героем появившегося вскоре романа является писатель. И это еще в большей степени мотивирует его представление о мире как *майе*: он устал заниматься «такой ерундой, как придуманное описание придуманной жизни придуманных людей, то есть творить тройную, вернее, возведенную в третью степень иллюзию майи» [11, 27]. Для протагониста «реальное» бытие – во многом его воображение или сон, не бытие, но и не небытие, некое промежуточное существование. Воображаемое, приснившееся, привидевшееся существуют наряду с невоображенным – у них один онтологический статус: «человек, воображающий нечто совершенно СВОБОДНОЕ, и сами предметы его свободного воображения – оказываются равнозначными» [11, 54]. Самым мудрым оказывается примитивное сознание больного проказой тунгуса Семена-Захара, который предпочитает не вдаваться в выяснение, что же есть фантазмы его снов, а что – реалии окружающего его мира. Как говорит один из персонажей

<sup>15</sup> Аналогичным образом в политизированном романе именуется и безжизненная, призрачная эпоха советской власти: «*глухая майя*... странного российского времени, носившая звучное название СССР, – куда ты сгинула? Слово никогда всего этого и не было» [12, 70]; «бесмысленная серая майя коммунистической бригады», представленная квадригой – Сталиным, Лениным, Энгельсом и Марксом [11, 48].

<sup>16</sup> А. Шопенгауэр, опиравшийся в своих рассуждениях на ведантическую концепцию майявады, писал: «...*майя*, покрывало обмана, застилает глаза смертным и заставляет их видеть мир, о котором нельзя сказать – ни что он существует, ни что он не существует, ибо он подобен сновидению, подобен отблеску солнца на песке, который путник издали принимает за воду...» [Шопенгауэр 1992].

романа, мир, в котором мы пребываем, «существует самым убедительным образом, в то же время его как бы нет. <...> И если вы хотите утверждать, что меня нет, вы тем самым невольно утверждаете, что и вас самих нет» [11, 53].

Ким ссылается на философов античности, когда пишет: «курносый и босой Архангел Сократ» оспорил дельфийское «*познай себя*», сказав, что мы, «сократики всех миров и времен, не познаем сами себя, ибо нас нет» [12, 63, 49]. Но и в одном из учений буддистской философской школы, Махаяне-йочгаре, иллюзией считаются не только внешние объекты, но и воспринимающий их субъект [Торчинов 2000]. Протагонист романа «Остров Ионы» как субъект, познающий мир, и как словотворец время от времени сомневается в реальности своего существования, объявляя себя персонажем своего воображения, т.е. своего романа: «отныне он будет только одним из персонажей этой книги, наравне с остальными» [12, 21]. В конце концов, именно в этом заключается одно из оправданий подзаголовка романа Кима – «метароман», т.е. роман о романе, роман о писательском сознании.

Но сюжет романа составляет не рассказ о том, как герои достигли небесной и подводной Онлирии, а описание их странствия к далекому острову на краю России, на котором поселился бессмертный Иона – предвестник Христа. Освобождение и очищение происходит, как и у библейского Ионы, через многочисленные страдания, покаяние и мнимую смерть. Путь героев на остров – это путь к Христу, и окончательное очищение-осв-

обождение–Преображение людей возможно только при его явлении. С. Телегин абсолютно верно подмечает, что Второе пришествие понимается Кимом по-буддистски: Христос явится не в физическом мире, а в «буддическом слое общепланетного существования», т.е. в бессмертную душу каждого человека [Телегин 2004, 44]. Дополним резюме исследователя тем, что, согласно Киму, явление Христа возможно как явление в ипостаси Любви к ближнему и к дальнему<sup>17</sup>. «Каждый из нас приходит сюда (на остров – *Г.М.*), чтобы встретить кого-нибудь. Того самого конкретного и видимого, которого можно полюбить, как и *Отца Невидимого*. И Он не будет сердиться, если такая встреча произойдет и любовь получится. И уже никогда не разлучит вон тех двоих, что идут рядом друг с другом по берегу, направляясь к дальнему краю лукоморья – в сторону Вечности», – пишет Ким [12, 65]. В заключительных сценах романа из подводной Онлирии рука об руку выходит на берег острова любящая пара – американец и россиянка.

Бессмертного же Иону от червячка, присосавшегося к его шее и мучающего его сотни лет, избавляет голубь, в котором живут три любящих души: душа почтового голубя Кусиреску, душа принцессы Розмари и душа Ревекки. Выполнив свою миссию, голубь улетает вглубь острова. Так «треугольный калейдоскоп

---

<sup>17</sup> Попутно заметим, что космогоническая роль Эроса в качестве движущегося начала была популярна и в античности, например, у Парменида, Эмпедокла, Платона и др.

любви опять повернулся, и в нем образовался новый цветистый узор» [12, 77].

Итак, справедливы ли утверждения некоторых литературных обозревателей о «случае Анатолия Кима» как создателя «собственной оригинальной философии» [Рахаева 2006]? Думается, совсем нет. На наш взгляд, это конгломерат рассуждений на философские темы в духе прерывности и дискретности современной культуры, пытающейся ассимилировать разнообразные и разнонаправленные идеи и значения. Сам Ким признавался: «...под руки, кажется, попадались именно те книги, которые потом и составили систему ценностей. Платон, рассказывающий о Сократе, толкования буддистских древних учений, Евангелие, т.е. те же по сути космические учения – просто захватили меня. И сегодня я продолжаю решать для себя эти же вопросы» [Ким 2001]. Причем, интересно, что Кима как художника очаровывала эстетическая сторона

той или иной концепции. К подобному мнению нас приводят некоторые фрагменты его публичных высказываний: «Человек, рассматриваемый в аспекте натурфилософии, становится наиболее интересным для меня объектом познания. Бытие человека — это часть космической единой жизни, разве не красива идея? <...> Теория эволюции Т. де Шардена <...> также оказали влияние на мировоззрение: солнечная полоска, развившаяся в жизнь. *Как красиво!* Меня очень волнуют такие проблемы, этому посвящен отчасти и мой последний роман (“Остров Ионы” – Г.М.)» [Ким 2001. Курсив мой. – Г.М].

Кроме того, заметим, что вследствие сознательного выбора автором философской позиции можно говорить, скорее, об идеологии романа и его автора, а не об их философии. Случай Кима (если отмеченное нами выше евразийство писателя все-таки имеет место) подтверждает это.

## ЛИТЕРАТУРА

Аннинский 1989 – Аннинский Л. А., *Локти и крылья: Литература 80-х: надежды, реальность, парадоксы*, Москва, 1989.

Басинский 2002 – Басинский П., «Риск Анатолия Кима», *Литературная газета*, 2002, № 43, 23–29 октября.

Бродов 1967 – Бродов В. В., *Индийская философия нового времени*, Москва, 1967.

[http://www.vedanta.ru/library/brodov/indian\\_philosophy\\_new.php](http://www.vedanta.ru/library/brodov/indian_philosophy_new.php)

Булгаков 1994 – Булгаков С. Н., *Свет не вечерний: Созерцание и умозрение*, Москва, 1994. <http://www.vehi.net.bulgakov/svet/002.html>

Кессиди 2003 – Кессиди Ф., *От мифа к логосу: Становление греческой философии*, С.-Петербург, 2003.

Ким 2001 – «За Анатолием Кимом – большая

тайна!». Беседа А. Кима с Вл. Ивановым, *Литературная Россия*, 2001, №36, 7 сентября.

Ким 2002 – Ким А., «Остров Иона», *Новый мир*, 2002, № 11, 12.

Киреева 2004 – Киреева И. С. «Евразийство в философии», *Общечеловеческое и национальное в философии: II Международная научно-практическая конференция КРСУ. 27–28 мая 2004 г.* Материалы выступлений. Под общ. ред. И. И. Ивановой, Бишкек, 2004. [http://antropology.ru/texts/kireeva.is/commnat\\_02.37.html](http://antropology.ru/texts/kireeva.is/commnat_02.37.html)

Лосев 1959 – Лосев А. Ф., «Послесловие», *Дж. Томсон, Исследования по истории древнегреческого общества, Первые философы*, Москва, 1959, Т. 2.

Лотман 1997 – Лотман Ю., *О русской литературе*, С.-Петербург, 1997.

Мень 2002 – Мень А., «Иезекииля пророка книга», *Мень А. Библиологический словарь*, С.-Петербург, 2002.

[www.krotov.info/library/bible.comm/32\\_izezek.html](http://www.krotov.info/library/bible.comm/32_izezek.html)

Миркурбанов 2007 – Миркурбанов Н. М., «Современная проза корейской диаспоры СНГ в поисках ответов на “вечные вопросы”». [http://lit.lib.ru/ten\\_w\\_k/text\\_0120.shtml](http://lit.lib.ru/ten_w_k/text_0120.shtml), запись 2007.08.25.

Огрызко 2005 – Огрызко В., «Мистик, верный реализму», *Литературная Россия*, 2005, № 45, 11 ноября.

Орлова 2007 – Орлова И. Б., «Контурь современной евразийской концепции», *Вестник Библиотечной Ассамблеи Евразии*, 2007, № 2. <http://www.ispr.ru/confer/EuroAsia/confer9.html>

Пахомов 2000 – Пахомов С. В., «Понятие майи и проблема истинной идентификации в тантризме», *Путь Востока. Традиции освобождения*. Материалы III Молодежной научной конференции по проблемам философии, религии, культуры Востока. Серия “Symposium”, С.-Петербург, 2000, Вып. 4, с. 28–32.

[http://anthropology.ru/ru/texts/pahomov/east03\\_05.html](http://anthropology.ru/ru/texts/pahomov/east03_05.html)

Радхакришнан 1956 – Радхакришнан С., *Индийская философия*. Пер. с англ., Москва, 1956, Т. 1.

Рахаева 2006 – Рахаева Ю., «Метаписатель для метачитателя», *Известия*, 2006, 8 мая.

<http://izvestia.com/culture/article21506/>

Рязанов 2001 – Рязанов Д. А., WWW.BESSMER-

ТПЕ.RU (научный иммортализм), или Алые паруса на новый лад, Москва, 2001.

Савицкий 2004 – «Есть ли будущее у евразийства? Россия между Европой и Азией». Интервью историка И. П. Савицкого, *НГ – Религии*, 2004, 6 октября. <http://www.ispr.ru/confer/EuroAsia/confer9.html>

Телегин 2004 – Телегин С. М., «Современный русский мифологический роман», *Современная русская литература. Страноведение России*. Методологическое пособие к дистанционному курсу повышения квалификации преподавателей русского языка как иностранного, Москва, 2004.

Торчинов 2000 – Торчинов Е. А., *Введение в буддологию: Курс лекций*, С.-Петербург, 2000.

[http://anthropology.ru/ru/texts/torchin/buddhism\\_06html](http://anthropology.ru/ru/texts/torchin/buddhism_06html)

Циолковский 2001 – Циолковский К. Э., *Космическая философия*, Москва, 2001.

Шопенгауэр 1992 – Шопенгауэр А., «Мир как воля и представление» // Шопенгауэр А., *Собр. соч. в 5 т.*, Москва, 1992, т. 1. <http://psvlib.org.ua/books/shope01/txt01.htm>

Щербацкий 1988 – Щербацкий Ф. И., «Концепция буддистской нирваны», *Избранные труды по буддизму*, Москва, 1988, с. 199–262. <http://psvlib.org.ua.books.shchb02.txt02.htm>

Эттингер 2003 – Эттингер Р., *Перспективы бессмертия*, Москва, 2003.

## FILOSOFINIS IR RELIGINIS ANATOLIJAUS KIMO EKLEKTIZMAS (ROMANAS “JONOS SALA”)

**Galina Michailova**

Santrauka

Straipsnyje apžvelgiami rašytojo A. Kimo panaudojimo savo kūryboje religinių, mokslo-filosofinių, ezoterinių ir mistinių sistemų atvejai. Straipsnio autorė atskleidžia esančių Kimo romane “Jonos sala” tokio tipo nuorodų semantiką, nurodo rašytojo tekste atsirandančių temų ir įvaizdžių, sietinų net su disonuojančiomis prasminėmis sekomis, galimas priežastis. Straipsnio autorė prieina

išvados, kad Kimas originalios nuosavos filosofijos sukurti nesiekia, nes romanas “Jonos sala” yra filosofinių ir religinių temų, asimiliuojančių skirtingų krypčių idėjas ir reikšmes, svarstymų konglomeratas. Toks sąmoningas filosofinės eurozijietiškos pozicijos pasirinkimas patvirtina Kimo romaną esant ideologiniu bei atspindi dabartinės rusų inteligentijos didžiosios dalies nuotaikas.

Получено: 2007, август

Принято: 2007, август

*Адрес автора:*  
Вильнюсский университет  
Кафедра славистики  
Universiteto g. 5  
LT-01513, Vilnius, Lietuva  
E-mail: Galina.Michailova@flf.vu.lt